

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

М А Й.

№ 14.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ИЗЪ УСЕРДІЯ. (Записки мартышки).
ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ (стих.).
ВЪ БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ.
ТЕПЛОМЪ ПОВѢЯЛО (стих.).
СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Два прыгунчика.
Ракъ и улитка (игра).

№ 14. Май, 1915.

Годъ изданія VIII-й.

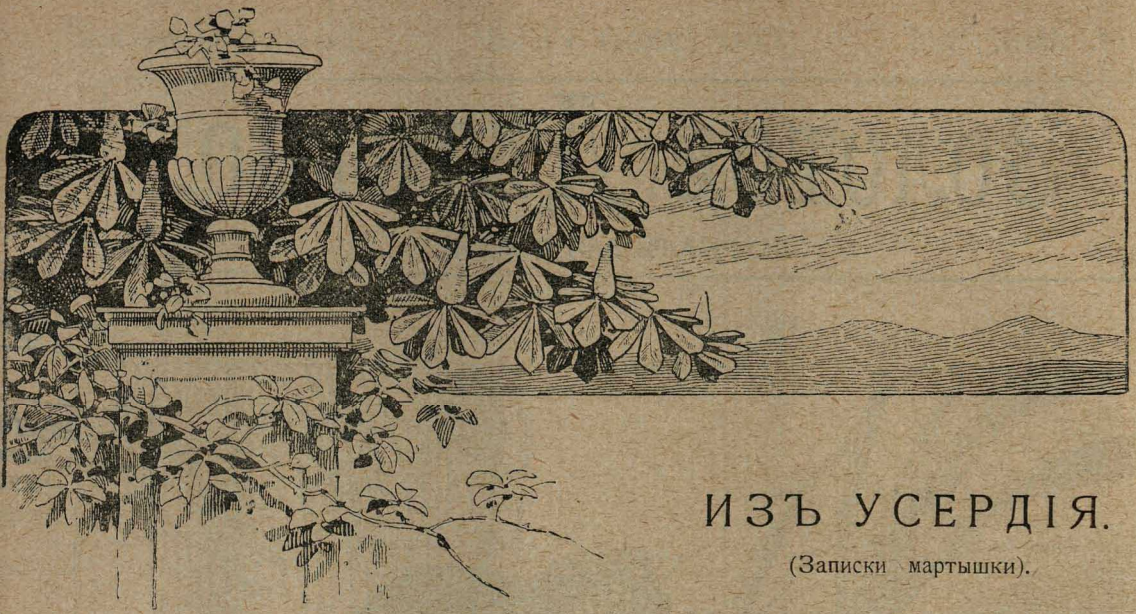
Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ наводненіе.

ИЗЪ УСЕРДІЯ.

(Записки мартышки).

Когда русскій пароходъ подходилъ къ нашему берегу, то мой хозяинъ взялъ меня и моего друга попугая и поплылъ на лодкѣ къ нему навстрѣчу. Пароходъ остановился, не дойдя до берега, и масса бѣлолицыхъ русскихъ матросовъ свѣсилась черезъ перила надъ водой и стала смотрѣть внизъ на моего черного хозяина. Мой хозяинъ зналъ по-русски одно только слово „поётъ“. Онъ протянулъ попугая кверху и крикнулъ матросамъ:

— Поётъ!

А затѣмъ онъ поднялъ и меня и тоже сказалъ:—Поётъ!

Очевидно, онъ даже и не понималъ значенія этого слова.

Матросы прыснули, а затѣмъ одинъ изъ нихъ сбѣжалъ по трапу внизъ, уплатилъ моему черному хозяину деньги и взялъ меня съ собою. Такимъ образомъ у меня

сталъ бѣлый хозяинъ. Мнѣ было жаль расставаться съ Африкой и съ попугаемъ, но дѣлать было нечего, и я поплыла на сѣверъ. По прибытіи парохода въ Одессу, матросъ продалъ меня какому-то купцу, торговавшему птицами и животными; у этого купца меня купила какая-то старуха, которая вскорѣ померла; а потомъ меня повезли на сѣверъ вмѣстѣ съ звѣринцемъ, въ который я попала отъ старухи. Звѣринецъ разорился, насъ, звѣрей, продали съ аукціона,—и я досталась шарманщику. Шарманщикъ въ чемъ-то провинился и его выгнали изъ города,—и я попала къ мальчишкѣ-нищему, который, засунувъ меня къ себѣ за пазуху, выпрашивалъ у прохожихъ подаенія. У нищаго купилъ меня мой теперешній хозяинъ, котораго я такъ люблю, что не могу безъ него жить.

Теперешній мой хозяинъ—коме-диантъ. У него есть еще два пуделя и онъ переходитъ съ нами съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, и мы показываемъ публикѣ наши представленія. Онъ кормитъ меня отлично, спитъ вмѣстѣ со мною, причемъ мы оба лежимъ, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, отчего намъ бываетъ теплое. Онъ научилъ меня разнымъ штукамъ, и я очень благодарна ему за ласковое обращеніе. За все время моего ученія у него онъ ни разу меня не ударилъ и даже ни разу на меня не крикнулъ. Онъ отлично понимаетъ, что ласкою и хорошимъ обхожденіемъ отъ насъ, звѣрей, добьешься гораздо большихъ успѣховъ, чѣмъ грубостью и побоями. Если нужно что-нибудь сдѣлать новое, то онъ обыкновенно подходитъ ко мнѣ, ласково гладитъ меня по мордочкѣ и по плечамъ и говорить:

— Главное, Мартыничъ, ты бери примѣръ съ меня! Что бы я ни дѣлалъ, ты старайся мнѣ въ точности подражать!

И если онъ задираетъ ногу, то старалась задирать ее и я, и если дѣлалъ прыжокъ и онъ, то прыгала и я. За это я получала отъ него всякій разъ или свѣженькую морковку или луковицу, до которыхъ мы, обезьяны, большія охотницы. Однимъ словомъ, изъ всего ученія я поняла и крѣпко запомнила то, что если хочешь въ чемъ

нибудь угодить человѣку, то подражай ему во всемъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, всегда старайся въ точности исполнить то же самое.

Вотъ это-то чуть и не испортило моей судьбы.

А теперь я начну свой рассказъ.

Мы пріѣхали въ большое мѣстечко Вербилки, чтобы дать въ немъ наше представленіе. Ѣхали мы обыкновенно такъ: нашъ хозяинъ катилъ передъ собой телѣжку, въ которой находились наши костюмы и въ которой, въ глухой корзинѣ, сидѣла я, чтобы не простудиться отъ вѣтра. По бокамъ телѣжки чинно шествовали два пуделя: Плюмашъ и Фисташъ. Во время представленія я одѣвалась въ коротенькую кофточку съ бѣлымъ воротникомъ и въ шляпу съ перьями, а обѣ собаки—наряжались солдатами и стрѣляли изъ ружья. Выстрѣловъ я всегда боялась и никогда не могла къ нимъ привыкнуть.

Былъ осенній сырой вечеръ. У порога своего трактира въ Вербилкахъ стоялъ самъ его владѣлецъ Семень Ивановичъ Пѣтуховъ. Онъ стоялъ, прислонившись плечомъ къ косяку, и кого-то поджидалъ. Передъ дверьми его трактира стоялъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью и на немъ находились: миска съ водой, хлѣбъ и восковыя свѣчи. Увидѣвъ, что къ его трактиру подходитъ неизвѣст-

ный человекъ съ телѣжкой и съ двумя пуделями, онъ сдѣлалъ недовольную гримасу и сказалъ:

— Ну, проходи, проходи мимо! Теперь не до васъ!.. Нечего тутъ!

— Пустите, купецъ, переночевать!—обратился къ нему мой хозяинъ.

— Говорю, что не до васъ! Развѣ не слышишь колокольнаго звона? Сейчасъ у насъ крестный ходъ и около этого столика будутъ слушать молебень!

— Я не помѣшаю, господинъ купецъ,—все еще продолжалъ умолять мой хозяинъ.—Пустите только переночевать!

Пѣтуховъ подумалъ.

— Ну, ладно! крикнулъ онъ.— Вѣзжай во дворъ! Такъ ужъ и быть! Только не выпускай на волю собакъ!

Мы вѣхали къ трактирщику во дворъ и что было дальше,—я ужъ не знаю. Я все время сидѣла въ корзинѣ. Затѣмъ я слышала пѣніе многихъ голосовъ, колокольный звонъ и когда все затѣмъ успокоилось и затихло, то Пѣтуховъ подошелъ къ нашей телѣжкѣ и спросилъ:

— Стало быть, эти собаки у тебя ученныя? Онѣ зарабатываютъ тебѣ хлѣбъ?

— Не только онѣ однѣ, отвѣтилъ хозяинъ.— Есть кое-кто и еще!

И онъ открылъ мою корзинку. Я выскочила на воздухъ и отъ ра-

дости закривлялась. Увидѣвъ меня, трактирщикъ засмѣялся и сталъ меня гладить.

— А она не укуситъ? спросилъ онъ.— Ахъ, ты, обезьянья морда! Совсѣмъ, какъ человекъ! У меня даже такая знакомая старуха есть. Точь-въ-точь!

И онъ засмѣялся еще громче.

Повидимому, я понравилась ему, потому что онъ взялъ меня на руки и, обратившись къ моему хозяину, сказалъ:

— Ну, такъ ужъ и быть, входите въ трактиръ! Тамъ вамъ дадутъ поѣсть.

Хозяинъ тотчасъ же воспользовался приглашеніемъ и всѣ мы четверо — хозяинъ, два пуделя и я,—вошли въ домъ. Тамъ вкусно чѣмъ-то пахло.

— Я вамъ уплачу за все! сказалъ мой хозяинъ.

— Тѣмъ лучше! отвѣтилъ трактирщикъ.

Затѣмъ трактирщикъ ушелъ къ буфету, а его служанка Пелагея накрыла на столъ и принесла тарелку превкусныхъ щей. Мой хозяинъ тотчасъ же принялся за ѣду. Дремавшіе до этого подъ лавкой Плюмашъ и Фисташъ вскочили и усѣлись около стола, дожидаясь подачи. Я же прямо влѣзла на столъ, сѣла около самой тарелки и стала воровать у хозяина то кусочки хлѣба, то капусту, то огурецъ.

— Ну, ужъ и забавная же у

тебя обезьяна! крикнулъ изъ-за буфетной стойки Пѣтуховъ. — Точь-вь-точь, какъ человѣкъ!

— Да, умная обезьянка!.. отвѣтилъ мой хозяинъ. — И хорошо обучена! Она умѣетъ плясать, бить въ барабанъ и дѣлать всякія штуки. Вотъ вы завтра увидите ея представленія..

Трактирщикъ почесался и вздохнулъ.

— Только, братецъ, какъ я погляжу, сказалъ онъ, — ничего здѣсь изъ твоихъ представленій не выйдетъ! Тебѣ не заработать здѣсь въ Вербилкахъ ни одной копейки.

— Это почему? испугался мой хозяинъ.

— Да потому, что у насъ здѣсь три дня крестный ходъ. Еще будемъ ходить съ образами два дня. Кому будетъ охота смотрѣть на твоихъ собакъ и на тебя, когда надо молиться!

Мой хозяинъ въ свою очередь почесалъ себѣ затылокъ.

— Дѣлать нечего, вздохнулъ онъ. — Придется переждать...

Предсказаніе трактирщика въ точности сбылось. За всѣ три дня пребыванія въ Вербилкахъ мы не дали ни одного представленія и не заработали ни гроша. И всѣ эти три дня мы прожили у трактирщика и цили и ѣли у него. Денегъ у моего хозяина не было, платить ему было нечѣмъ и, если онъ все еще жилъ у трактирщика, такъ только потому, что все

еще втайнѣ рассчитывалъ на заработокъ.

— Вотъ дамъ сегодня вечеромъ представленіе, говорилъ онъ, — и заплачу.

Но на насъ не захотѣлъ смотрѣть никто.

— Шляются тутъ дармоѣды! ворчали на насъ прохожіе. — Только отъ нихъ все тутъ запирай!.. А то еще стащатъ что-нибудь, пожалуй...

Жить въ трактирѣ еще и четвертый день было при этихъ обстоятельствахъ уже неудобно. Надо было отправляться въ сосѣднее мѣстечко, чтобы заработать денегъ хоть тамъ, но какъ было уйти, не уплативъ трактирщику ни копейки? Мой хозяинъ просто не зналъ, что дѣлать.

Тѣмъ не менѣе нужно было кончать съ этимъ вопросомъ и мой хозяинъ, наконецъ, рѣшился. Утромъ на четвертый день онъ деликатно намекнулъ трактирщику, что платить нечѣмъ. Онъ сказалъ при этомъ, что отправится въ сосѣдній городокъ, дастъ тамъ представленіе, заработаетъ денегъ и тотчасъ же вернется въ Вербилки и уплатитъ немедленно по счету.

— Вы не беспокойтесь... робко заявилъ онъ. — Я заплачу вамъ все!

Но трактирщикъ не хотѣлъ и слушать.

— Да ты что? сталъ онъ кричать на моего хозяина. — Ты въ своемъ умѣ или обалдѣлъ? Кто тебя здѣсь

знаешь? Кто ты такой? У тебя нѣтъ ни двора, ни кола, пляешься ты съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не платишь... Ищи тебя потомъ! Нѣтъ, братецъ, ужъ извини! Я не таковскій! Я себя въ обиду не дамъ! Гдѣ хочешь бери, а уплати!

— Но гдѣ же я возьму? оправдывался мой хозяинъ.—Вотъ пойду въ городъ и заработаю! Подождите немного!

— Нѣтъ, братъ, не на таковского ты наскочилъ! Если хочешь уходить, то оставляй мнѣ что-нибудь въ залогъ! Съ вами шутить нельзя!

— Что же я дамъ вамъ въ залогъ? испугался мой хозяинъ.—У меня нѣтъ ровно ничего!

— Давай часы!

— Да ихъ у меня нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ я возьму у тебя эту обезьяну! Приноси деньги—и получишь ее обратно!

И, схвативши меня за шиворотъ, трактирщикъ швырнулъ меня въ сосѣднюю комнату и заперъ за мною дверь.

Не могу выразить вамъ словами, какъ тяжело было мнѣ разставаться съ хозяиномъ и какъ ласково мы прощались черезъ дверь. Въ его голосѣ я слышала слезы и отвѣчала ему жалостными криками, которые, надѣюсь, онъ понялъ. Я прощалась и съ нимъ, и съ его собаками и боялась подумать о томъ, что ожидало меня впереди.

— Ничего, Мартынчикъ, не безпокойся! крикнулъ мнѣ въ послѣдній разъ хозяинъ. — Я заработаю денегъ и завтра же постараюсь тебя выкупить!

И затѣмъ все стихло. Минуть черезъ десять ко мнѣ вошелъ трактирщикъ и сталъ довольно поглаживать себѣ бороду.

— Ну, что же? сказалъ онъ.— Я сдѣлалъ хорошее дѣльце! Все же ты стоишь дороже, чѣмъ онъ наѣлъ у меня и напилъ! Я тебя выгодно продамъ.

И, боясь, какъ бы онъ не сдѣлалъ мнѣ чего-нибудь дурного, или не накричалъ бы на меня, я старалась во всемъ ему подражать. Онъ взялся подъ-бока, взялась подъ-бока и я. Онъ высморкался въ платокъ, высморкалась въ кулакъ и я. Однимъ словомъ, не было ни одного его движенія, которому бы я не подражала. Онъ отъ души смѣялся.

— Ахъ, ты дрянъ этакая! хвалилъ онъ меня. — И создастъ же Богъ такую тварь!

Тогда, чтобы заслужить еще большее его расположеніе, я рѣшила ни на минуту не отходить отъ него и дѣлать все то, что будетъ дѣлать и онъ.

Пришли къ нему посѣтители, потребовали пива и я видѣла, какъ онъ раскупоривалъ для нихъ бутылки. Затѣмъ я видѣла, какъ онъ цѣдилъ для нихъ изъ бочки и квасъ. Ахъ, съ какимъ удоволь-

ствіемъ и я тоже стала бы раскупоривать бутылки и наливать изъ боченка квасъ! Но бутылокъ въ трактирѣ уже не было и весь боченокъ кваса былъ осушенъ уже до дна. Но я примѣтила на прилавкѣ штопоръ, стащила его и спрятала въ уголокъ.

„Быть можетъ, онъ мнѣ еще понадобится“,—подумала я.

Въ тотъ же день трактирщикъ взялъ меня съ собою въ погребъ. Какое множество я увидѣла тамъ бутылокъ и бочекъ съ пивомъ и виномъ! Съ какимъ наслажденіемъ я стала бы ихъ откупоривать! Но я не догадалась захватить съ собою штопоръ, къ тому же и трактирщикъ повернулъ почти тотчасъ же обратно.

— Надо погребъ провѣтрить,—сказалъ онъ самому себѣ.—Вишь, духота-то какая!

И ставши на одинъ изъ боченковъ, онъ отворилъ маленькое окошечко, приходившееся какъ разъ въ уровень съ землей. Я отлично примѣтила это окошечко.

— Ну, ужъ я теперь поусердствую для тебя, — подумала я.— Ты останешься мною доволенъ!

На слѣдующее утро, когда трактирщикъ былъ занятъ съ посѣтителями, я взяла штопоръ, вышла тихонько изъ трактира и украдкою пролѣзла въ погребъ черезъ окошечко.

Теперь трактирщикъ долженъ былъ быть доволенъ. Я постаралась

для него и, чтобы облегчить его труды, раскупорила въ погребѣ все до одной бутылки и открыла краны во всѣхъ бочкахъ. Вино и пиво хлынули изъ нихъ потоками и скоро затопили собою весь погребъ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, я вылѣзла потомъ изъ погреба черезъ все то же окошечко на воздухъ и явившись къ трактирщику, схватила его за фалду и потащила посмотрѣть на наводненіе.

— Погляди, какъ я тебѣ услужила! — старалась сказать я ему жестами и крикомъ.

— Экое умное животное!—воскликнулъ онъ съ восторгомъ.— Вѣдь вотъ побывала разъ со мною въ погребѣ и тянетъ меня туда еще разъ! Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ!

И, взявъ ключи, онъ отправился со мною въ погребъ. Предоставляю читателямъ судить о томъ, какъ онъ остался доволенъ моею услугою. Понявъ изъ моихъ движеній, что это сдѣлала именно я, онъ пришелъ въ ярость, схватилъ меня за шиворотъ и бросилъ меня съ ожесточеніемъ въ лужу вина. Затѣмъ онъ подбѣжалъ ко мнѣ и хотѣлъ бить меня сапогами. И я не знаю, чѣмъ бы все это окончилось, если бы съ надворья не послышался вдругъ крикъ моего возвратившагося хозяина.

— Эй, трактирщикъ! — кричала онъ.—Гдѣ ты? Возьми отъ меня деньги и отдавай мнѣ обратно обезьяну!

Съ первой зеленью.

Маленькіє пріятели.

Услышавъ его голосъ, трактирщикъ выбѣжалъ наверхъ и потащилъ моего хозяина за собою въ погребъ.

— Посмотри, что она здѣсь безъ тебя натворила!—закричалъ онъ.

Увидѣвъ своего хозяина, я обрадовалась, вскочила на боченокъ и стала крикомъ и кривляньями показывать ему, какъ мнѣ было пріятно, что онъ, наконецъ, вернулся. Отъ винныхъ паровъ у меня кружилась голова.

Хозяинъ подскочилъ ко мнѣ, схватилъ меня на руки и прижалъ меня къ груди. Трактирщикъ кричалъ на весь погребъ:

— Она разорила меня! Она пустила меня по міру! Теперь ты долженъ отвѣтить мнѣ за все!

И онъ потащилъ насъ къ земскому начальнику.

— Разберите, ваше высокоблагородіе, наше дѣло!—завопилъ онъ, когда мы вошли въ его канцелярію. — Вѣдь эти проходимцы въ конецъ меня разорили!

И съ крикомъ на всю канцелярію, онъ сталъ излагать передъ земскимъ начальникомъ все, что произошло.

Земскій начальникъ и его писмоводитель, слушая его, весело смѣялись.

— Да ты напрасно, Семень Иванычъ, кипятишься, обратился,

наконецъ, земскій начальникъ къ трактирщику.—Вѣдь твоему дѣлу помочь нельзя. Ты, конечно, могъ потребовать отъ этого человѣка въ залогъ какую-нибудь вещь, но кто тебя заставлялъ оставлять у себя эту обезьяну? Вѣдь потребовалъ ты ее у него самъ и никто тебя за языкъ не тянулъ. Ты даже употребилъ силу, чтобы ее отнять! Ну, вотъ и расплачивайся теперь самъ за все!

— Что же мнѣ теперь дѣлать? спросилъ въ отчаяніи трактирщикъ.

— Не дѣлай шума изъ-за своей же оплошности и молчи, отвѣтилъ ему земскій начальникъ. — А то всё тебя же поднимутъ на смѣхъ!

— Стало быть, мнѣ теперь уходить?

— Конечно, уходить! Не стоять же тебѣ здѣсь цѣлый вѣкъ! Тебя тамъ, поди, уже дожидаются посѣтители!

Трактирщикъ повертѣлъ въ рукахъ шапку, злобно посмотрѣлъ на моего хозяина и на меня, погрозилъ намъ кулакомъ и вышелъ.

Мы тоже отправились своей дорогой.

Съ тѣхъ поръ я уже ни на одинъ часъ не разставалась со своимъ хозяиномъ ни разу.

Гіальмаръ.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Нынче солнце грѣтъ
 Съ самаго утра...
 Травка зеленѣтъ...
 Милая пора!
 Солнце грѣтъ жарко,
 Рѣчка блещетъ ярко,
 По дорожкамъ парка
 Бѣгаемъ съ утра.

Лишь въ оврагѣ таетъ
 Старенькій снѣжокъ
 И ручьемъ сбѣгаетъ
 На сырой лужокъ.
 Бабочка летаетъ,
 Птичка распѣваетъ,
 И коровъ сзываетъ
 Ужъ свирѣль въ кружокъ.

Ирисъ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ.

Свѣтило солнце. Былъ прекрасный июльскій день. По аллеямъ городского сада, съ самаго утра, слонялся мальчикъ лѣтъ десяти, бѣдно одѣтый. Онъ держалъ въ рукахъ гармонію и все время наигрывалъ какую-то пѣсню, чтобы заработать нѣсколько копѣекъ и отнести ихъ домой къ своему хозяину, у котораго онъ жилъ.

„Вотъ счастливыцы тѣ, у кого есть мать“, думалъ мальчикъ, глядя на дѣтей, бѣгавшихъ въ саду.

Онъ помнилъ свое дѣтство очень смутно, какъ сквозь сонъ: это было гдѣ-то далеко, гдѣ всегда было ласковое солнышко, въ какой-то деревнѣ, названіе которой онъ позабылъ.

Но его мать была бѣдна и больна. За нимъ некому было присмотрѣть. Однажды, когда мальчикъ игралъ на дорогѣ, въ дерев-

ню пришелъ какой-то человекъ, который сказалъ, что у него въ городѣ есть какое-то занятіе. Мать поговорила съ нимъ и отдала ему въ ученье своего сынишку, который былъ тогда еще совсѣмъ ребенкомъ. Онъ взялъ его за руку и увелъ его съ собою. Съ тѣхъ поръ мальчику стали извѣстны и голодъ, и холодъ, и побои. Онъ долженъ былъ по цѣлымъ днямъ бродить по городу, играть на гармоніи и собранныя деньги приносить своему хозяину, такъ какъ никакой торговли у него не оказалось.

„Гдѣ теперь моя мама?“ думалъ онъ, глядя на дѣтей. „Жива ли она? Вѣроятно, плачетъ обо мнѣ...“

Вспоминая свое хорошее раннее дѣтство, мальчикъ незамѣтно вышелъ изъ сада и направился въ сосѣднія улицы, чтобы тамъ продолжать свое скучное занятіе.

Его дѣтское личико, печальный и нищенскій видъ часто обращали на себя вниманіе прохожихъ, и они давали ему деньги. Но въ іюлѣ, когда всѣ разѣзжались на дачи, въ городѣ становилось пустою, и мальчику не подавалъ никто.

Было уже три часа дня, когда нашъ маленькій музыкантъ, наигрывая самыя свои веселыя пѣсни, посматривалъ на окна большого дома съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ глядитъ собачка, когда хочетъ ѣсть. Никто, казалось, не интересовался его музыкой, и онъ собрался уже уходить въ другой дворъ, какъ вдругъ въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа высунулось нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. Поглядѣвъ на маленькаго музыканта и посовѣтовавшись между собой, онѣ подозвали его къ себѣ.

— Мальчикъ, спросили онѣ его, — ты умѣешь играть танцы?

— Умѣю... отвѣтилъ мальчуганъ.

— Такъ иди скорѣе къ намъ!

Мальчикъ вошелъ въ большую, свѣтлую комнату. Въ одномъ углу стоялъ столъ, весь загроможденный лентами, нитками цвѣтами и касторовыми и соломенными формами для шляпъ, а на полкахъ стояли картонки съ уже готовыми шляпками. Это была шляпная мастерская.

Мальчика приняли радушно.

— Какъ тебя зовутъ? спросили

его работавшія дѣвушки, когда онъ вошелъ.

— Ваней... отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ вотъ что, Ванюша, — хозяйка у насъ ушла, одна изъ нашихъ модистокъ сегодня именинница и мы хотимъ потанцевать. Ты умѣешь играть польку и вальсъ?

— Умѣю.

Дѣвушки нашли деревянный ящикъ, въ которомъ отвозились шляпы по магазинамъ, придвинули его къ стѣнѣ, перевернули вверхъ дномъ и помѣстили на него музыканта.

— Играй здѣсь! сказали онѣ Ванѣ.

Затѣмъ онъ заигралъ, и онѣ стали танцевать.

Послѣ нѣсколькихъ танцевъ одна изъ мастерицъ сказала:

— А что, если намъ сейчасъ чего-нибудь закусить?

— Да, да, я очень голодна! согласилась другая.

— И я тоже! прибавила третья.

— И нашъ музыкантъ тоже, навѣрное, проголодался!

— Аннушка, сбѣгай поскорѣе въ лавку, купи колбасы, булки, огурцовъ, ну и яблоковъ что ли...

— А сколько? спросила дѣвочка.

— Да чтобы на всѣхъ хватило... Тамъ ужъ ты сообрази сама!.. На вотъ тебѣ шестьдесятъ копѣекъ, мы послѣ сосчитаемся и раздѣлимъ все поровну.

Ученица быстро убѣжала. Танцы возобновились. Ваня игралъ съ воодушевленіемъ и думалъ о томъ, какъ его сейчасъ накормятъ булкой и колбасой.

Скоро дѣвочка возвратилась съ огромнымъ пакетомъ, который былъ быстро развязанъ, и мальчикъ увидѣлъ аппетитную колбасу. Ему дали два ломтика и горбушку булки и насыпали ему въ карманъ подсолнушковъ. Онъ былъ, какъ во снѣ... Никогда еще онъ не былъ въ такомъ пріятномъ обществѣ.

Вдругъ одна изъ дѣвушекъ — Мариша, которая была за караульнымъ и выглядывала то въ дверь, то въ окно, громко закричала:

— Хозяйка идетъ!

При этихъ словахъ въ мастерской поднялась неопиcуемая суматоха: маленькаго музыканта схватили за ноги и за голову и всунули въ ящикъ, но ящикъ оказался малымъ и его никакъ не могли закрыть.

— Да пустите меня! сопротивлялся мальчикъ.—Я самъ уйду!

— Молчи! увѣщевали его растерянные мастерицы.— Это только для того, чтобы не увидела тебя хозяйка!

— Въ самомъ дѣлѣ, куда вы его суете? замѣтила одна изъ нихъ; вѣдь онъ въ ящикъ не входитъ; спрячемъ его въ сосѣдней комнатѣ.

Мальчика вытолкали въ другую

комнату и усадили его тамъ подъ диванъ, куда кинули ему и его гармонию.

— Главное, ты не двигайся, сказала одна изъ мастерицъ, а то услышитъ хозяйка и намъ достанется. Сиди тутъ и молчи! Слышишь?

Послѣ этихъ мало утѣшительныхъ словъ дверь закрылась и все стихло. Слышно было, какъ вошла потомъ хозяйка.

Ваня лежалъ и боялся громко вздохнуть. Мысль, что его примутъ за вора, пугала его, онъ ждалъ терпѣливо, чѣмъ кончится вся эта исторія, и считалъ минуты, когда его выпустятъ изъ-подъ дивана и разрѣшатъ ему идти домой. Но никто не приходилъ и не отпускалъ его.

Такъ много ходившій съ самага утра по душному городу, мальчикъ не могъ пересилить себя и, придумывая, какъ бы ему уйти изъ-подъ дивана, нечаянно заснулъ... А тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ, работа въ мастерской окончилась, всѣ дѣвушки разошлись по домамъ, хозяйка уѣхала въ театръ и вся квартира опустѣла и кругомъ воцарилась тишина.

О томъ, что мальчикъ все еще лежалъ подъ диваномъ, не вспомнилъ никто. Дѣвушки предполагали, что онъ какъ-нибудь выбрался незамѣтно на свободу и убѣжалъ. Никому даже и въ голову не приходило, что онъ могъ тамъ

заснуть и крѣпко проспать до самаго вечера, и потому всѣ были покойны.

Мальчикъ проснулся и насторожился: кругомъ тишина, какъ въ подземельѣ. Онъ вылѣзъ изъ своей засады и на цыпочкахъ направился къ двери; онъ отворилъ ее тихонько и очутился въ мастерской.

„Кажется, я здѣсь одинъ“, подумалъ онъ.

Падавшій съ улицы свѣтъ, помогая ему разбирать въ темнотѣ предметы. Онъ подошелъ къ двери, она оказалась запертой; онъ подошелъ къ окну; оно было не высоко отъ земли. Ахъ, если бы, только никого не было на улицѣ, а то подумаютъ, что онъ вориска, и могутъ его схватить! Но на улицѣ не было никого. Онъ отворилъ окошко и вылѣзъ.

Вздохъ облегченія вырвался у него изъ груди, когда онъ очутился наконецъ на землѣ. Теперь онъ свободенъ!

Со всѣхъ ногъ онъ бросился бѣжать домой.

Въ самомъ захолустѣ города, вдали отъ всѣхъ оживленныхъ улицъ, находится темный, грязный переулокъ, съ такими-же плохими, полуразвалившимися домишками. Въ одномъ изъ такихъ домовъ живетъ хозяинъ маленькаго Вани. Сюда каждый день приходитъ нашъ музыкантикъ, чтобы отдать ему свой дневной

заработокъ, поѣсть чего-нибудь въ сухомытку и заснуть на грязной постели.

Если мы послѣдуемъ за Ваней въ эту грязную, темную лачугу, то увидимъ тамъ двухъ неприятнаго вида людей, сидящихъ за столомъ и пьющихъ чай. Мальчикъ боязливо входитъ.

— Откуда это ты? спрашиваетъ его сердито одинъ изъ нихъ.

Мальчикъ выкладываетъ передъ нимъ всѣ свои деньги, которыя дали ему мастерицы.

Хозяинъ считаетъ деньги.

— Кто тебѣ далъ столько, снова спрашиваетъ онъ,—и откуда ты такъ поздно пришелъ?

Ваня рассказываетъ ему свое необыкновенное приключеніе и особенно подробно описываетъ квартиру, платья, шляпки и материалы и любезность дѣвушекъ, накормившихъ его и снабдившихъ его деньгами. Два человѣка слушаютъ его съ большимъ вниманіемъ, перекидываются многозначительными взглядами, заставляютъ его повторить нѣкоторыя подробности, однимъ словомъ, подвергаютъ мальчика настоящему допросу. Затѣмъ они долго и тихоньку совѣщаются между собой, и наконецъ собираются куда-то уходить.

Мальчикъ слѣдитъ за ними исподтишка, и въ его душу закрадывается мучительное безпокойство...

— Что, если они пойдутъ сейчасъ грабить эту квартиру?

И мальчикъ не ошибся. Сговорившись между собой, оба человека подходятъ къ Ванѣ и берутъ его за шиворотъ.

— Я усталъ и хочу спать, отвѣчаетъ мальчикъ.

— Успѣешь еще выспаться!

— Но я не могу!..

Хозяинъ схватилъ его за руку и такъ больно согнулъ ее, что мальчикъ понялъ, что ему остается только повиноваться.

— Хорошо-же! сказалъ онъ про себя.— Я вамъ покажу! Вы останетесь довольны!

И онъ тоже что-то задумалъ.

Затѣмъ, они пришли къ тому дому, гдѣ были мастерицы. Мальчикъ пальцемъ указалъ на окно. Оно все еще было открыто.

— Ты останься здѣсь, обратился къ Ванѣ хозяинъ, и спрячься въ тѣнь.— Если увидишь кого-нибудь, то свистни, чтобы насъ предупредить.

Убѣдившись, что кругомъ не было ни души, они влѣзли въ окно, спрыгнули съ него въ квартиру и затѣмъ потонули въ ея темной глубинѣ. Тогда Ваня во весь духъ помчался къ тому мѣсту, гдѣ пересѣкались улицы и гдѣ обыкновенно находился городской. О, счастье! Онъ увидаль, что тамъ ихъ было почему-то трое, а не одинъ. Они о чемъ-то весело разговаривали и хохотали.

Ваня подбѣжалъ къ нимъ и, задыхаясь, закричалъ:

— Скорѣе! Скорѣе! Туда!..

Городовые обернулись.

— Что случилось? спросилъ одинъ изъ нихъ.— Чего ты такъ кричишь?

— Тамъ воры! Тамъ грабятъ! Идемте скорѣе туда!

Полицейскіе недовѣрчиво посмотрѣли на оборвыша, но въ его глазахъ выражалось столько искренности и рѣшимости, что всѣ ихъ сомнѣнія разсѣялись. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже около большого дома. Улица была совершенно пуста, а огни въ домѣ— всѣ потушены. Окно первого этажа по-прежнему было открыто. Городовые всѣ трое влѣзли въ него и вслѣдъ затѣмъ внутри слышались какой-то шумъ и бѣготня. Потомъ воры были арестованы, и городовые повели ихъ въ участокъ. Ваня еще долго шелъ вмѣстѣ съ ними, но потомъ свернулъ въ сторону и побрелъ своей дорогой. Онъ былъ радъ, что развязался наконецъ со своимъ хозяиномъ и былъ теперь свободенъ. Но куда идти? Гдѣ теперь у него домъ? Гдѣ теперь ему преклонить голову? Въ громадномъ городѣ онъ былъ совершенно одинъ и теперь не зналъ, куда ему было идти.

— Послушай, малый! окликнулъ его одинъ изъ городскихъ.— Куда же ты идешь? Приходи завтра

Спасена..

Набѣгалась.

опять сюда. Я утромъ снова буду стоять на томъ-же мѣстѣ на часахъ. Ты открылъ это преступленіе, и потому тебя должны вознаграждать. Пойдемъ къ той барынѣ, которую хотѣли обворовать, и я расскажу ей все. Она тебѣ дастъ на чаекъ!

И они разстались. Ваня всю ночь пробродилъ по городу и ему негдѣ было преклонить голову. Усталый, ослабѣвшій, съ разбитыми ногами и съ болью во всѣхъ членахъ, онъ пришелъ наконецъ на знакомый перекрестокъ къ городовому.

— Вотъ и я!.. сказалъ онъ.

Городовой взялъ его за руку и повелъ туда, гдѣ столько часовъ мальчикъ провелъ подъ кроватью. Тамъ все еще былъ цѣлый переполохъ. Былъ поднятъ на ноги весь домъ и происшедшее событіе рассказывалось всѣми на разные лады.

— Да, сударыня, сказалъ хозяикъ городской. — Хорошо еще, что такъ кончилось. Благодаря этому мальчугану, вы избавились отъ воровъ и всѣ ваши вещи цѣлы.

Молодая женщина нѣжно пригласила Ваню къ себѣ и поцѣловала его въ лобъ.

— Спасибо тебѣ, сказала она. — Я не хочу остаться у тебя въ долгу. Скажи, чего-бы ты хотѣлъ?

Ваня сконфуженно опустил глаза.

— Ну, говори-же! Гдѣ твоя мама? Ты хочешь видѣть ее?

Радость озарила лицо мальчика.

— Да... чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— Но гдѣ-же она? Я дамъ тебѣ на дорогу денегъ...

— Не знаю... отвѣтилъ мальчикъ. — Меня взяли у нея, когда я еще не понималъ ничего.

— Въ такомъ случаѣ я сама постараюсь замѣнить тебѣ мать...

Спустя нѣсколько дней, можно было встрѣтить Ваню уже хорошо причесаннымъ и одѣтымъ въ хорошій костюмъ и важно разгуливающимъ по улицамъ города съ большой картонкой въ рукахъ, въ которой онъ разносилъ заказчицамъ шляпки. Онъ получалъ за это жалованіе и былъ очень доволенъ своей новой службой и хозяйка была въ восхищеніи отъ своего новаго помощника; у нея никогда не было такого преданнаго приказчика. И не желая съ нимъ разстаться, она стала наводить справки объ его матери, чтобы и ее выписать къ себѣ и дать и ей занятіе у себя въ мастерской.

Говорятъ, что Ваня уже получилъ отъ своей матери письмо и считаетъ теперь дни и часы, когда побѣжитъ на вокзалъ, чтобы встрѣтить ее и рассказать ей о своемъ житьѣ-бытьѣ.

по Т. V. Dartèze.

ТЕПЛОМЪ ПОВѢЯЛО.

Послѣ долгихъ дней ненастья
Стало вдругъ тепло,
Всюду зелень, радость, счастье
И свѣтло, свѣтло!

*

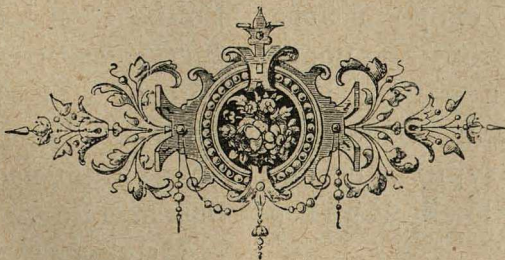
За зеленою листвою
Даль ужъ не видна...
Сколько радости съ собою
Ты несешь, весна!

Мы въ саду съ утра до ночи,—
Мать не дозовѣтъ,
А когда сомкнемъ мы очи,
Соловей поетъ.

*

Онъ поетъ и намъ не спится,
Слушаемъ, нѣтъ сна...
А когда заснемъ, то снится
Милая весна.

Кузнечикъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разсказъ моей прабабушки.

(Продолженіе).

Мы вышли съ Вольфомъ на дворъ.
Было темно и подъ ногами по-
скрипываль снѣгъ. На душѣ у
насъ было неспокойно. Въ самомъ
дѣлѣ, куда могъ дѣваться Джимъ?
Если онъ куда-нибудь убѣжалъ и
скрывался отъ насъ, то это было-
бы еще ничего, но насъ пугало
то, что онъ могъ замерзнуть, ли-
шить себя жизни или лежать те-
перь гдѣ-нибудь больнымъ.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я тогда
не сдержался!.. вздохнулъ Вольфъ.
— Къ чему нужно было заводить
тогда ссору?

— Ты не виноватъ! сказала я
брату.— Ты ровно ничего тогда не
сказалъ и не сдѣлалъ. Это все
Джимъ! У него скверный характеръ!

Но я сознавала, что была не
права и сама, и всю прогулку за-
тѣмъ мы совершили молча.

Гулять было совершенно неприятно. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, было холодно и когда мы вышли за ворота и пошли вдоль дороги, то цѣлыя облака снѣга носились по полямъ и заметали наши слѣды. Снѣгъ былъ сухой, коловшій лицо и засыпавшійся за шею и въ рукава.

— Какая скверная погода!.. сказалъ наконецъ Вольфъ.

— Да... отвѣтила я. — Не вернуться-ли назадъ?

Но мы знали, что дома мы еще застали-бы слезы и, каюсь, намъ не хотѣлось такъ скоро возвращаться домой. Поэтому мы пошли дальше и все шли и шли, пока, наконецъ, не устали. Оказалось, что несмотря на дурную погоду, мы прошли по крайней мѣрѣ версты двѣ.

— Присядемъ здѣсь... сказалъ Вольфъ.—Ты устала. Отдохни!

Мы сѣли на большой камень, который знали уже давно и который теперь выдавался изъ-подъ снѣга около дороги.

Пока мы такъ сидѣли, мимо насъ кто-то въ темнотѣ прошелъ. Этотъ кто-то, какъ намъ показалось, едва плелся. Онъ несъ на рукахъ что-то большое, но что именно, въ темнотѣ понять было нельзя. Миновавъ насъ, этотъ „кто-то“ свернулъ въ сторону, и— странное дѣло, — пошелъ не по дорогѣ, а прямо полемъ, прямокомъ, почти по колѣно угружая ногами въ снѣгу.

— Тамъ нѣтъ дороги! крикнулъ ему Вольфъ. — Эй! Вы не туда идете!

Но темная фигура не обратила на его слова вниманія и потонула во мракѣ ночи.

— Вы не туда идете! снова крикнулъ Вольфъ.—Вы упретесь въ развалины! Тамъ выхода нѣтъ!

Темная фигура заинтересовала насъ. Мы еще долго вглядывались въ темноту и кричали ей, но она такъ и не отозвалась.

— Это кто-то чужой! сказалъ Вольфъ.—Я всѣхъ здѣшнихъ знаю... Онъ несъ что-то тяжелое и не на спинѣ, а на груди... И усталъ при этомъ... Ты слышала, какъ проходя мимо насъ, онъ тяжело дышалъ? Кто-бы это могъ быть?

Мы посидѣли на камнѣ еще съ полчаса, отдохнули и пошли еще дальше. Какъ то не хотѣлось возвращаться такъ скоро домой. За всю болѣзнь отца мы не были на воздухѣ ни разу, а съ другой стороны—эта прогулка отвлекала наши мысли отъ Джима.

— Ну теперь-то ужъ пора! сказалъ наконецъ Вольфъ, когда мы прошли еще съ версту. — Насъ могутъ хватиться дома!

И мы повернули назадъ. Тутъ только я спохватилась, что мы зашли слишкомъ ужъ далеко отъ дома. По правдѣ говоря, я очень устала и озябла и еле шла. Я взяла Вольфа подъ руку и мы поплелись. Намъ обоимъ показалось,

что гдѣ-то вдалекѣ раздался вдругъ чей-то мужской крикъ, точно кто-то кого-то къ себѣ звалъ, но крикъ этотъ не повторился, и мы не обратили на него вниманія. Мы добрались до того камня, на которомъ отдыхали, но присѣсть на него опять — было уже поздно, и мы прошли мимо него. Подъ конецъ я такъ устала, что еле передвигала ноги. Это стало беспокоить Вольфа.

— Намъ не нужно было бы такъ далеко забираться, сказалъ онъ. — Ты насилу идешь. Если-бы ты была поменьше, то я взялъ-бы тебя на руки.

И онъ вдругъ остановился и сталъ что-то соображать.

— Знаешь, что? сказалъ онъ. — Здѣсь все время дорога идетъ зигзагами. Не послѣдовать-ли намъ примѣру того темнаго господина и не пойти-ли прямокомъ черезъ снѣгъ? Это сократитъ нашъ путь на полъ-версты! Какъ-ты думаешь?

Я была рада поскорѣе добраться домой.

— Ну, что-жь? отвѣтила я. — Только-бы намъ въ темнотѣ не заблудиться!..

— Нѣтъ, я здѣсь знаю дорогу! сказалъ Вольфъ. — Мы пройдемъ мимо сараевъ Трильби, потомъ пересѣчемъ поле, а затѣмъ мимо развалинъ прямо и выйдемъ къ нашему дому.

И мы сошли съ дороги влѣво и, угружая въ снѣгу, миновали

сараи Трильби, потомъ пересѣкли поле и затѣмъ вышли почти къ самымъ развалинамъ. Какъ ни было темно, но я могла различить ихъ во мракѣ ночи и была довольна, что мы скоро уже будемъ дома.

Какъ вдругъ что-то то темное попало намъ на снѣгу, какъ разъ у нашихъ ногъ.

— Что такое? воскликнулъ Вольфъ.

И онъ потрогалъ носкомъ сапога этотъ предметъ, лежавшій прямо на снѣгу.

— Что-то мягкое! сказалъ онъ. Я тоже потрогала.

Это дѣйствительно было что-то мягкое.

— Узелъ! воскликнула я. — Кто-то потерялъ здѣсь узелъ!

Мы оба нагнулись и схватились за этотъ узелъ. Каково-же было наше удивленіе, когда этотъ узелъ оказался вдругъ человѣкомъ! Я вскрикнула.

— Это онъ! воскликнулъ Вольфъ.

— Кто онъ? спросила я.

— Да тотъ человѣкъ, который намъ повстрѣчался у камня!

Но мы оба были убѣждены, что это былъ не онъ. Для него этотъ, лежавшій безъ движенія на снѣгу человѣкъ былъ очень малъ. Это былъ ребенокъ самое большое — лѣтъ восьми.

Я развязала на его головѣ платокъ, сгребла съ его лица снѣгъ и приподняла за плечи.

— Дѣвочка!.. сказала я. — Какая-

то нищенка! Она навѣрно заблудилась!

Вольфъ задалъ ей нѣсколько вопросовъ, но она не отвѣтила ни на одинъ. Точно раненая или убитая птичка, она свѣсила безпомощно голову на плечо и не двигалась. Глаза ея были закрыты.

— Она замерзла!.. сказала я.

Вольфъ приглядѣлся къ ней и провелъ рукой по ея лицу.

— Нѣтъ еще! обрадовался онъ. — Она еще жива! Снѣгъ таетъ у нея на лицѣ!

И поднявши дѣвочку съ земли, онъ взвалилъ ее къ себѣ на плечо.

— Что ты хочешь дѣлать, Вольфъ? спросила я.

— Развѣ не видишь? отвѣтилъ онъ.—Понесу ее домой! Нельзя же ей оставаться здѣсь одной! Ею надо отогрѣть и накормить.

— Но уже ночь! Куда ты дѣнешь ее на ночь?

— Она переночуетъ у насъ!

Я была рада безконечно. Это была и моя мысль, но я боялась ее высказать. Съ какимъ удовольствіемъ я примусь теперь за эту маленькую незнакомку по возвращеніи домой!

Мы напрямикъ и прямо по глагому снѣгу побѣжали домой. Я даже и позабыла про свою усталость. Мы оба молчали, и дѣвочка тоже не шевелилась. Сначала мы думали, что она просто спитъ отъ усталости и отъ холода, но когда прибѣжали къ себѣ и рассказали

всѣмъ домашнимъ о томъ, какъ на нее наткнулись, то при осмотрѣ оказалось, что она вовсе не спала, а впала въ глубокой обморокъ. Родители и всѣ домашніе были до крайности удивлены нашей находкой и обеспокоены ея безпомощнымъ состояніемъ. Несмотря на все наши усилія привести дѣвочку въ чувство, намъ такъ это и не удалось. Мама раздѣла ее и уложила въ постель, а папа тотчасъ-же послалъ за докторомъ.

Я помогала мамѣ раздѣвать дѣвочку и, снимая съ нея ея лохмотья, мы обѣ были удивлены, что нижнее бѣлье на ней было изъ самаго тончайшаго полотна, но все въ заплаткахъ, съ рванными петлями и безъ пуговиць. Ея платье было сшито изъ дорогого матеріала, но тоже все было заштопано; а о верхнемъ пальтишкѣ я уже и не говорю: оно было, какъ у нищенки. Намъ обѣимъ тотчасъ-же бросилось въ глаза, что это была дочь богатыхъ, но разорившихся родителей. При первомъ-же взглядѣ на ея личико, можно было утверждать, что въ ней было что-то благородное и не совсѣмъ обыкновенное. Цвѣтъ лица, кожа на тѣлѣ, очертанія рукъ и ногъ—все говорило въ ней за то, что она была не изъ простаго званія.

Пока мы раздѣвали ее, она на одинъ разъ открыла глаза, но они не показались намъ живыми: она

не видѣла и не узнала насъ. Она только чуть слышно произнесла по французски: „Папа!“ и тотчасъ же снова ихъ закрыла.

Мама была растрогана до слезъ.

— Бѣдняжка... Голубушка моя! шептала она. — Какимъ же звѣремъ долженъ былъ быть твой отецъ, если бросилъ тебя одну замерзать на снѣгу! О, Сонечка, благодари непрестанно Бога, что у тебя еще живы твои любящіе тебя, дорогіе родители!

Приѣхалъ потомъ докторъ. Онъ выслушалъ и выстукалъ больную и объявилъ, что все пройдетъ, и что дѣвочка очнется скоро. Узнавъ отъ папы, что мы нашли ее на снѣгу, онъ подумалъ, пожевалъ губами и сказалъ:—

— Я совѣтовалъ-бы вамъ, г-нъ Хартрей, теперь-же отослать ее въ пріютъ для бездомныхъ дѣтей. А то она очнется и увидя, какъ у васъ тепло и радушно, сама не захочетъ уже туда идти. Вѣдь, у васъ и безъ нея большая семья... Къ тому-же она еще можетъ и расхвораться. Это не извѣстно. Весьма возможно, что, лежа на снѣгу, она простудилась...

— А какъ это сдѣлать? спросилъ папа и въ глазахъ у него я замѣтила недобрый огонекъ.

— Пусть вашъ работникъ возьметъ ее, въ чемъ она была, и отнесетъ въ пріютъ. Вѣдь это недалеко отсюда: версты три съ половиной или четыре...

Тогда папа подошелъ къ окну и быстро распахнулъ обѣ его рамы. Вѣтеръ ворвался въ комнату, рванулъ занавѣску, уронилъ цвѣточный горшокъ, и снѣгъ такъ и повалилъ къ папѣ въ кабинетъ.

— Что вы дѣлаете, г-нъ Хартрей? воскликнулъ въ испугѣ докторъ. — Вѣдь этакъ вы меня простудите! Можно ли устраивать такіе сюрпризы?

И онъ быстро приподнялъ у сюртука воротникъ.

Папа спокойно заперъ окно и поставилъ горшокъ съ цвѣткомъ на мѣсто.

— Вотъ, видите, докторъ,—сказалъ онъ съ укоризной,—для себя вы боитесь такой погоды, а для этого несчастнаго ребенка—нѣтъ! Развѣ можно въ такую погоду отправлять ребенка такъ далеко? Добрый хозяинъ не выгонитъ и собаки!

Доктору стало неловко, онъ что-то залепеталъ въ свое оправданіе и снова принялся за дѣвочку. Это былъ вовсе не злой человѣкъ и, судя по тому, какъ онъ всю ночь провозился съ больной, можно было предполагать, что, посылая дѣвочку въ пріютъ, онъ этимъ хотѣлъ сдѣлать облегченіе моему же отцу, у котораго дѣйствительно была большая семья. Мама и я не смыкали глазъ всю ночь. Дѣвочка то дрожала, какъ осиновый листъ, а то впадала въ жаръ и бредила всего только однимъ словомъ:

Въ горахъ.

Гроза.

— Папа! Папа!

Было жаль на нее смотреть.

Рано утромъ докторъ отъ насъ уѣхалъ, и мама распредѣлила дежурство около больной между всѣми нами. Вольфъ все время на цыпочкахъ ходилъ около двери, которая вела въ комнату, гдѣ дѣвочка лежала, и такъ громко вздыхалъ, что даже папа, нашъ снисходительный папа, — назвалъ его бабой.

Весь этотъ и слѣдующіе дни папа всюду наводилъ справки о томъ, кому бы могъ принадлежать этотъ ребенокъ. Онъ напечаталъ въ двухъ газетахъ объявленія съ просьбой откликнуться на его призывъ, но ничего изъ этого не вышло. Онъ хотѣлъ написать с дѣвочкѣ Джемсу Ольдкорту, не знаетъ ли онъ чего-нибудь объ этомъ таинственномъ ея появленіи въ нашихъ мѣстахъ, но, къ сожалѣнію, не зналъ его заграничнаго адреса. А дни тѣмъ временемъ шли за днями — и наша находка поправилась уже настолько, что стала сидѣть въ креслѣ. Ко всѣмъ намъ она стала относиться съ такимъ довѣріемъ, точно мы были ея братья и сестры, а нашу маму она прямо-таки заобожала. Къ сожалѣнію, она ровно ничего не сообщала о себѣ, а это заставляло моего папу настаивать и задавать ей все новые и новые вопросы, хотя докторъ и запретилъ ее разспрашивать.

— По крайней мѣрѣ, хоть какъ тебя зовутъ? — спросила ее мама.

— Эмэ... — отвѣтила она.

— А какъ твоя фамилія?

Эмэ съ безпокойствомъ оглядѣлась по сторонамъ, смутилась и отвѣтила:

— Моя фамилія — Смитъ!.. Эмэ Смитъ!

Мама недовѣрчиво поглядѣла на меня и на Вольфа. Мы оба поглядѣли на маму. Дѣвочка говорила съ явнымъ французскимъ акцентомъ, имя Эмэ было чисто — французское, а фамилія Смитъ — вдругъ оказывалась настоящей англійской. Ясно, что дѣвочка или что-то скрывала отъ насъ или же просто насъ дурачила.

Я отозвала маму въ сторону.

— Она вретъ! — сказала я ей на ухо. — Не вѣрь ей!

Мама строго посмотрѣла на меня.

— Значить, виноваты мы сами, — отвѣтила она. — Если Эмэ не хочетъ сейчасъ сказать намъ всей правды, то это значитъ, что мы не сумѣли внушить ей къ себѣ довѣрія. Постараемся же быть съ ней какъ можно поласковѣе. Будь ей, какъ родная сестра!

На томъ дѣло и остановилось. Всѣ мы такъ полюбили эту дѣвочку, что уже ни за что на свѣтѣ не согласились бы разстаться съ ней и помѣстить ее въ пріютъ; она такъ ко всѣмъ намъ привязалась, что о разставаньѣ не хотѣла и слышать, часто плакала, часто горевала, что можетъ показаться намъ неблагодарной, — и все-таки ни однимъ словечкомъ не обмол-

вилась намъ, кто она была на самомъ дѣлѣ, гдѣ до сихъ поръ жила и какъ попала въ наши мѣста. Между прочимъ она очень тосковала по своему отцѣ и часто его вспоминала.

Такъ потянулись недѣли за недѣлями—и всѣ мы къ этому привыкли.. Мы твердо убѣдились въ томъ, что это была нѣжная, въ высокой степени добрая дѣвочка—и это было все, что намъ было отъ нея нужно. Она только на два года была моложе меня и скоро сдѣлалась самой близкой подругой моей и моей сестры Нелли. Даже больше: она сдѣлалась намъ сестрой. Такъ она и осталась у насъ жить совсѣмъ. Она говорила по-англійски съ трудомъ, превосходно объяснялась съ нашимъ папой по-французски,—инебыло въ семьѣ такого дѣла, въ которомъ она не приняла-бы участія и не исполнила его съ рѣдкими добросовѣстностью и прямою. Одно только смущало мою маму—это ея тайна. Она не могла примириться съ этимъ, такъ какъ въ домѣ у насъ никогда не существовало никакихъ тайнъ, и однажды, оставшись съ ней наединѣ, все-таки попытала еще разъ счастья и спросила ее:

— Ну, скажи же мнѣ, дѣточка, кто ты? Кто твой отецъ?

Я была въ сосѣдней комнатѣ и все слышала.

Эмѣ бросилась къ мамѣ на шею,

разрыдалась, долго и горячо ее цѣловала и потомъ чуть слышно отвѣтила:

— Не спрашивайте меня!.. Мнѣ больно вамъ не отвѣчать...

— Но почему же? — удивилась мама.—Почему ты не хочешь отвѣтить?

Она смутилась, опустила голову и покраснѣла.

— Мнѣ папа запретилъ объэтомъ говорить,—сказала она. — Если я скажу, то ему будетъ плохо...

— Значитъ, твой папа живъ?

— Не знаю... Быть можетъ, уже и умеръ..

Такъ мама ничего отъ нея и не добила.

Однажды я замѣтила, какъ, остановившись передъ серебрянымъ кубкомъ, Эмѣ долго и задумчиво на него смотрѣла.

— Чего ты смотришь? — спросила я ее. — Тебѣ онъ нравится? Это я его нашла!

Она вздохнула и, обнявъ меня за плечо, крѣпко ко мнѣ прижалась.

— Когда я была маленькая,—отвѣтила она, — то у насъ было много-много такихъ стакановъ!..

— Точно такихъ?—спросила я.

Она опять подумала и отвѣтила:

— Не знаю!.. Не помню!..

И мы обѣ побѣжали въ садъ. На дворѣ стояла весна и было такъ интересно лишній разъ посмотреть на возвратившихся скворцовъ!

По „The silver flagon“ изъ „Chatterbox“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ночь въ теплыхъ краяхъ.

— Пойдемъ скорѣ!..

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ семи буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.

Буквы — 4. 3. 6. 2 означаютъ домашнюю птицу, 1. 7. 5. 1. 2—то, чѣмъ кормятъ маленькихъ дѣтей, 5. 4. 3. 1. 7—то, на что никогда не слѣдуетъ обижаться, 5. 7. 5. 1. 2—предметъ вооруженія, 1. 4. 6. 4. 5. 1. 7—перелетную птицу.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ предметъ, обычный при дамскихъ рукодѣліяхъ.

II.

Названія какихъ звѣрей заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:—

1. На сухомъ лужку ни цапля, ни журавль не живутъ.

2. Поставьте кровать на мѣсто шкафа; я сейчасъ лягу; шкафъ-же отодвиньте къ этой стѣнѣ.

3. Голенькій ребенокъ бѣжалъ по дорогѣ и плакалъ.

4. Многие на лѣто уѣзжаютъ въ Финляндію.

5. Тамъ, гдѣ лѣсисто и горно, стайками летаютъ куропатки.

6. Послѣ этого ливня обратились въ болота и мокры самыя сухія мѣста.

7. Ему тамъ жилось очень хорошо.

III.

Чѣмъ кончаются день и ночь?

IV.

Задуманы три слова, означающія:

1. Небесное явленіе.

2. Часть русской упряжи.

3. То, что выходитъ каждый день.

Изъ первыхъ слоговъ всѣхъ этихъ трехъ словъ выходитъ все названіе перваго слова. Два послѣдніе слога этого перваго слова составляютъ собою второе слово, а послѣдній слогъ втораго слова служитъ первымъ слогомъ третьяго слога.

Отгадать первое слово.

V.

Если къ части гавани прибавить глазъ, то получится полезный напитокъ. Что это?

VI.

Въ какихъ отношеніяхъ находятся струны съ балалайкой?

VII.

Чѣмъ кончается Волга и что находится въ самомъ началѣ моря?

VIII.

Какое сходство между деревней и шляпой?

IX.

Даны слоги: да, ла, со, ко, о, за, ка, сель, ко, пый, я, ка миш, тѣ, мар, ли, сыг, тыш, про, квар, ца, ни, тетъ, рать, каз, зель.

Разставитъ эти слоги такъ, чтобы изъ нихъ вышли первыя строки извѣстной басни Крылова.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 12, помѣщенных въ № 12 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Потому что ихъ не дали даромъ. II. Мясо, труба, оска = Собака. III. Львы слышали его, вѣроятно, тогда, когда журавль залеталъ въ Центральную Африку. IV. Одежда. V. Иголка и нитка. VI. Бахчи+сарай=Бахчисарай. VII. По русламъ. VIII. Кара+мель=Карамель.

Вѣрные рѣшенія прислали: Шура Нодельманъ, Дѣти Касаевы, I. И. Лосевъ, Т. Авербухъ, Л. Ковалевскій, В. Огарковъ, Н. и М. Папмель, С. Мануйловъ, Ж. Коноплева, К. Кудрявцевъ, К., Л. и Т. Колесниковы, А. Русисъ, Г. Римаевъ, Т. и Б. Булгаковы, А. Сѣдельниковы, И. Польскій, В. и О. Блессъ, В. Савонъ, А. Стаи, Т. Сухаржевская, Т. Мѣньякова, Анна С., К. Нечипаевскій, Р., С. и П. Дубровины, В. и Л. Исиковы, Зоя Карташева, Павликъ Герасимовъ, Л. и Р. Яхнины, К. Шаровольскій, К. Ковалевскій, Ю. Антоновъ, А. Абисовъ, В. Калиновская, А. Фомина, В. и О. Ярунины, Ж. Сухова, Костровъ и Коля Корейшъ, Л., Ю. и П. Порфирьевы, В. Кононовичъ, М. Глазенапъ, С. Петрова, С. Коландсъ, Н. Гершельманъ, А. Бруновскій, Л. Пилкина, Ш. Сѣткинъ, Л. Каракай и О. Лордкипанидзе, Л. Ульянова, В. Александровъ, М. Сиверсъ, Ш. Никифорова, Л. Новопаоловская, Н. и Ж. Кондаковы, Л. Штеинъ, М. и Ю. Карабликовы, Ночная Звѣздочка, Ваня Павловъ, К. и Л. Соколовы, А., В. и Н. Могильниковы, Л. и В. Брянцева, Л. Качаловъ, Н. Сазонова, Н. Розенцвейгъ, Л. Мишина, С. Цепелевъ, Р. Козинцова, Б. Эттингеръ, Зина и Галя изъ Голодаевки, В. Святогоръ-Штепина, Н. Войчевская, Л. Гранцъ, В. Войчевская, М. и Г. Алроэ, Л. Ф. Думпфъ, Я. Бахматовъ, А. Левиновичъ, Л. Соколова, М. Петрова, Т., Т. и В. Вьюковичъ, С. Немоловскій, В. Серебряковъ, Т. Малевичъ, С., А. и М. Якубовы, М. Кавалевская, Т. Николаева, К. Балавуца, В. Синеоковъ, В. Щепкинъ, К. Ку-

дрявцевъ, К. Шаццлло, Н. Федорова, Ж. Андреевъ, Э. Деркачева, Ж. Игнатѣвъ, В. и Ш. Сычевы, К. и Л. Колосовы, Ю. и З. Манштейнъ, В. Людкевичъ, Ж. Лодочниковъ, Л. Кубецкій, М. Семернина, Э., И. и М. Лемешинскіе, Н., Ж. и Л. Ивановы, Т. Сухова, С. Третьякова, В. Юргенсъ, Д. Мордухай-Болтовскій, Ю. Антоновъ, В. Заксъ, Б. и Т. Гольдштейнъ, Витя Руткевичъ, Дина Поповичъ, Катя Самсонова, И. Пантсаръ, Г. Левченко, Л. и Э. Ярошевскіе, Б. и Ц. Крючковы, Т. Марьямовъ, К. Вѣлико, П. Черновскій, Д. Буинъ, Т. Сѣрова, В. и З. Банковскіе, М. Мирославскій, Т., С. и М. Богдановы, Т. и В. Стекеніусъ, Т. Маламудъ, Б. Кошкина, Г. Познякова, В. Сафронова, Галя Познякова, М. Клементѣва, Люся Сахновская, Т. Пепке, Н. Кравченко, Г. Гусевъ, Л. и Э. Голомштоки, Н. Бергштрессеръ, В. Зраевскій, К. Крауцъ, Л. Мансуровъ, М. Соколовъ, Д. В. Кузовкинъ, В. и Ю. Стратоновичъ, Н., Э. и В. Слезингеръ, И. и С. Вильшау, С. Маркевичъ, Л. и М. Кантъ, Ж. Товіева, Э. Ривина, Л. и М. Подласныя, Б. Одинцовъ, М. Рѣзанова, С. Федосѣевъ, В. Латкинъ, М. Зурковскій, Софія Кегрессъ, Б. Капелинъ, В. Ширшовъ, Л. Гордѣевъ, Г. Кондзеровскій, В. Гейстардъ, В. и Н. Палецкіе, С. и М. Гавриловы, Н. Николаева, Н. Видавскій, П. Черновъ, Г. Невмѣржидкій, В. Никольскій, В. Горжковская, В. и К. Крыловы, С. Жилисъ, Е. Сосновская, Л. Шульцъ, А. Опульская, А. Фрейманъ, А. Роостъ, К. Сухова К. и Э. Соколовы, Л. Корзинчиковъ, Р. Хроминскій, Л. и Л. Мельниковы, К. Удовиченко, В. Никифоровъ, В. Валобуевъ, В. Федоровъ, В. Сегаловъ, Т. Каледина, О. и Н. Бондаренко, М. Дунаевскій, Ш. и К. Крыловы, А. и С. Шатовы, Л. Ковалева, В. Малыхина, Д. Вдовинская, Т. Безчинскій, Н. Лукичъ, Д. Шаломеръ, В. Радзиминскій, В. Ракобольская Ш. Сѣтневъ, В. Стеллецкій, И. Шевченко, В. Дѣдовецъ, М. и О. Гемпель, Н. Стеклова, В. Левандовская, С. С. Воловикъ, Т., О. и В. Егоровы, В. Панковъ, Х. и К. Курдтъ, О. Ванасъ, В. Бабушкина, И. и Б. Пагирскіе, В. Грибовскій, В. Стольниковъ.

Читали-ли Вы книжку

„Дружокъ и Домка“?

Если не читали, то прочтите. Она только-что вышла въ свѣтъ **вторымъ изданіемъ**. Очень интересно. Ц. 40 к., а съ перес. 60 коп.

Высылается наложеннымъ платежомъ. Выписывать можно **открытымъ письмомъ изъ Редакціи «Золотое Дѣтство»:** Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Какъ дѣлать прыгунчиковъ

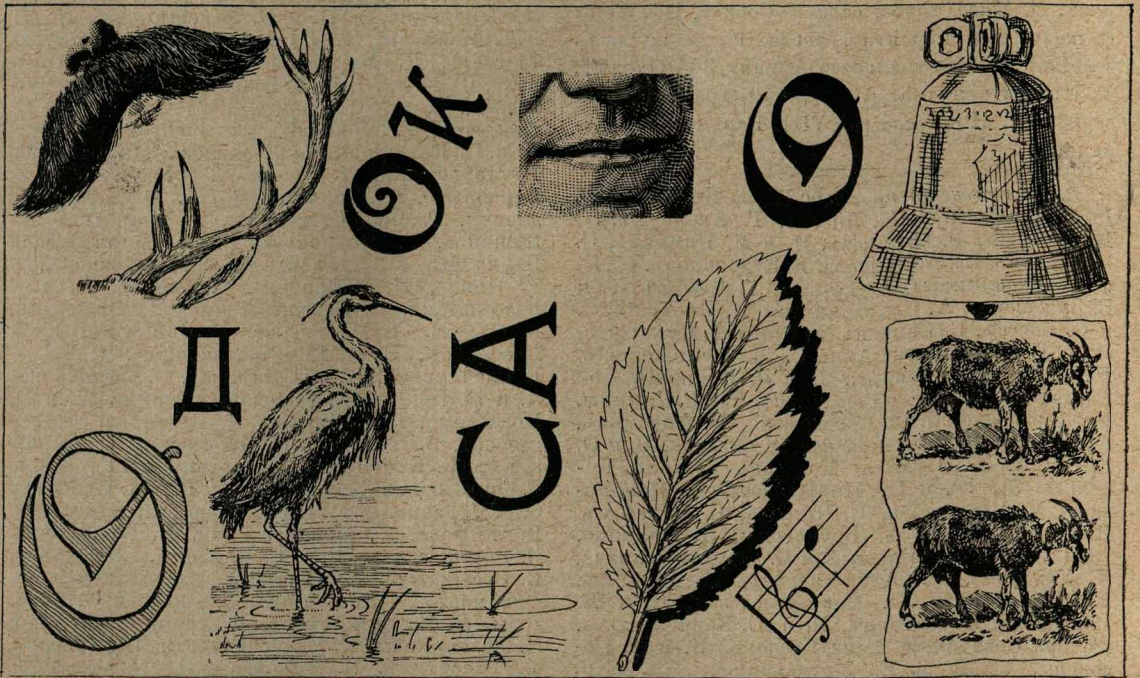
см. № 4-й

„ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА“

на послѣдней страницѣ обложки.

Тамъ указано, какъ завязывать узлы, и какъ устраивать нити, чтобы за нихъ дергать.

Ребусъ № 14.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

◆◆ Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петрограда.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“. ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12 ИГРЪ для дѣтей.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

для дѣтей:

- „НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.
- „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.
- „ДРУЖОКЪ и ТЮМКА“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 к. съ перес. 60 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.